

Константин Станюкович

Оба хороши

Константин Михайлович Станюкович
Оба хороши
Серия ««Морские рассказы»»

Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165667

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 10.: Правда;

Москва; 1977

Содержание

I	4
II	5
III	7
IV	10
V	11
VI	16
VII	22
VIII	24
IX	28

Константин Михайлович Станюкович ОБА ХОРОШИ

Посвящается Н.Н.Фирсову (Л.Рускину)

I

Шторм ревел целую неделю.

Обледеневшие пароходы и парусные суда прятались от бури в закрытых рейдах и бухтах Черноморского побережья или отстаивались в море, стремительно раскачиваясь на вытравленных канатах своих якорей.

Моряки, напряженно-серьезные, зябли на ледяном норд-осте и чаще вспоминали бога, берег и близких.

II

В этот ледяной шторм в большой, холодной комнате дома, у самого моря, близ Алупки, ходил взад и вперед высокий, крепкий, слегка сутуловатый старик с длинной седой бородой. Он то и дело выходил на террасу и взглядывал своими острыми, небольшими, загоравшимися злым блеском глазами на бушующее море.

Прибойные волны как бешеные вздымались на высоту, и их седые верхушки заливали берег и обкатывали окна нижнего этажа.

Водяная пыль обдавала худое морщинистое лицо старика, но он, казалось, не обращал на это никакого внимания.

Он снова прислушивался к гулу бури, снова взглядывал в седые беснующиеся волны, возвращался в залу и снова шагал взад и вперед, опустив свою седую голову. Из груди по временам вырывались тяжелые вздохи. По временам старик встряхивал свою голову, словно бы отгоняя тяжелые мысли, принимал к окну и задумывался.

Вот уж три года как живет в этом небольшом доме у моря Алексей Иванович Долинин.

Он живет одиноко, почти никто его не навещает.

Нелюдимый, и он никуда не ходит. Днями он шагает по комнате и с террасы любуется морем, а по долгим бесконечным вечерам, когда нередко завывает ветер в трубах и разда-

ется визг ставней и дверей, он сидит в кресле за книгой. Но часто он отрывается от нее и думает какую-то долгую думу.

Все в этой местности знают, что Алексей Иванович Долинин – из Петербурга.

Благодаря нелюдимости Алексея Ивановича его прозвали хмурым барином. Про хмурого барина сложились целые легенды.

Одни говорили, что он – бывший сановник; другие, что он – просто профессор-чудак, имевший какие-то семейные неприятности и потому живший одиноко в Крыму; третьи наконец считали Долинина тронутым. Но все решили, что он беспокойный и неприятный человек, избегавший знакомств с соседями и друживший только с татарами.

III

Сегодня хмурый барин был особенно мрачен и раздражителен. Он то и дело дотрагивался до электрического звонка.

Когда входил, ловко и мягко ступая по комнате, старый, низенький, сухощавый, поджарый татарин Абдул, живший у Долинина несколько лет, старик резко спрашивал:

– Почтальона не было?

– Не было, бачка, – неизменно отвечал татарин.

– А почта не проезжала?

– Сейчас проехала.

И, заметив, что Долинин омрачился, татарин ласково прибавил:

– Еще, может, тяжелая почта подойдет, тебе и будет письмо, а ты дурные мысли брось. Аллах все переменит. Твой аллах такой же, как и наш. Захочет накажет, захочет простит. А хочешь, Абдулка отнесет на станцию телеграмму, и ответ получишь. Только напрасно монеты бросаешь.

– Не надо, – ответил Долинин.

– И хорошо. Монеты даром не уйдут. А пора тебе, бачка, есть, уже первый час, а ты не евши.

– Не хочу.

– Так хочешь я сбегая в Байдары. Твоего знакомого барина позову?

– Спасибо. Не надо.

– «Не надо, не надо»... так один и останешься. Вовсе за-
сучаешь. Ты послушай Абдулку: как человек один, всякая
дурная мысль и пойдет в башку. Даже и коза и баран не лю-
бят одни.

Алексей Иванович улыбнулся и почти нежно проговорил.

– И чего ты со мной, Абдул, остаешься? Жалованье по-
лучаешь маленькое, подарков не делаю, а ты вот ходишь за
мной как нянька... Уходи, и я, брат, не буду сердиться... Я
знаю тебя. В Симеизе тебе предлагают место садовника, там
и больше карбованцев... и жить там на большой даче луч-
ше... И народ... А здесь, с хмурым барином, эка веселье...
Оставляй меня лучше.

– Тебе хорошо и мне хорошо. Даром что Алла строгий к
чужой вере. Помню, что ты коня мне купил и дочку вылечил.
Добро-то я помню.

– И дурак ты, Абдулка, что помнишь, – резко сказал До-
линин. – Лучше не помнить. И тебе веселее будет. И карбо-
ванцев больше.

– И худо ты Абдулку понимаешь. А еще ученый человек
и говорил, что ваш аллах добрый... Так сбегать?

– По этакому-то холоду?

– Оделся в тулуп и айда!

– Не нужно, не ходи.

Хмурое лицо Долинина осветилось мягкой улыбкой. Он
порывисто пожал руку татарина и отвернул от него взволно-
ванное лицо.

Раздался сильный стук за дверями. Татарин выбежал.

IV

Через минуту в комнату вошел молодой человек в полушубке, с покрасневшимся от холода лицом, и быстрыми шагами направился к Долинину.

Перед ним был его сын Николай.

Словно бы нарочно, старик стал еще хмурее.

– Пожаловал? – сдержанно и, казалось, недовольно спросил старик.

А у самого сердце билось от радости.

Он протянул свою маленькую, белую барскую руку, отстраняясь от поцелуев сына, и спросил:

– Верно, едешь в Севастополь?

– Нарочно приехал проведать, слышал, что ты болен.

– Что ж, спасибо. Очень рад. Абдул, поскорей самовар! Да скажи Марфе, чтобы живо закусить. Я, братец, обедаю в три, а ты, может быть, проголодался... Преуспеваешь, конечно? – с иронической ноткой произнес старик.

– Ничего себе. По-прежнему доцентом.

– А я, как видишь, не преуспеваю. Кури, брат. Что ж, Абдулка, не дают! Да скорей!

И нетерпеливый старик выбежал из комнаты распорядиться.

V

Курчавый и красивый брюнет, лет под тридцать, снял с себя полушубок и остался в щеголеватой дорожной австрийской куртке на меху.

Он внимательно оглядел плохо прибранную комнату с большим письменным столом посредине, на котором стояла большая фотография какой-то красивой молодой женщины и в беспорядке лежали книги и журналы. Везде валялись окурки папирос, везде был пепел и много пыли. Все в этой комнате напоминало о заброшенности старика.

В голове молодого человека невольно пробежали мысли о прошлом времени, когда еще он мальчишкой-гимназистом был другом отца и любил его безгранично. Отец тогда, казалось, любил без памяти сына, не раз разговаривал с ним и советовался, как с равным. Нередко он вместе с ним готовил уроки, ездил с ним на шлюпке под парусами, рассказывая сказки и интересные истории. Тогда они были неразлучны...

А потом...

У молодого человека уже не было той любовной жалости, которая прежде по временам загоралась в сердце мальчишки, когда отец, бывало, тосковал и прихварывал. Но зато теперь молодой человек стал серьезнее и гораздо проще и трезвее смотреть на отца. Он видит его не в прежнем идеальном свете. Ореол уже исчез.

«А все еще хорохорится и считает себя умнее других!»

Так подумал сын, и ему было и досадно и обидно, что отец принял его так сухо.

«Эгоистом он стал!» – решил Николай.

То же самое думал о сыне и отец, когда, вернувшись в комнату, глядел в жизнерадостное, покойное лицо сына.

«Самодоволен... конечно, считает себя безупречным... И благополучен... А я!?»

И старик напустил на себя еще большую бесстрастность, когда спросил:

– По-прежнему у вас нынче каждый за себя, а бог за всех?

– Вроде того, отец. А ты все еще не угомонился?

– Как видишь, Коля, – ответил старик и прибавил: – Пей лучше чай и закусывай... Я нарочно заказал для тебя битки в сметане. Ты любишь, кушай, а то поругаемся.

– Действительно я голоден.

После закуски Николай осведомился о делах отца.

Отец поморщился, точно от зубной боли, и ничего не ответил.

– Может быть, тебе нужны деньги? Так я могу.

У старика закипела злость. Он вспомнил, что ради этого сына, когда тот был мальчиком и заболел, он закладывал последние вещи и потом для него готов был снять рубашку, а Николай теперь вместо того, чтобы прислать отцу денег, спрашивает, нужны ли они ему.

– Спасибо! Мне денег не нужно... – промолвил Доли-

нин. – Бывали плохие дни, так у меня банкир есть.

– Банкир? Где ты и здесь отыскал банкира? – не без улыбки спросил Николай.

– А вот этот самый Абдулка где-то достает. И смотри, какой дурак этот татарин, – иронически усмехнулся старик, – не спрашивает, нужны ли деньги, а приносит до пенсии. Ну, а твои как дела, Николай?

– Я, отец, по одежке протягиваю ножки, – ответил Николай.

– Молодец! Рад, что ты не в меня. Надеюсь, долгов у тебя нет?

– Ни гроша! – не без горделивости ответил Николай.

– Ну, а я, – произнес старик, – бываю легкомыслен. Долги есть и порядочные.

Прошло несколько мгновений в молчании.

Но старик, по обыкновению, не удержался, чтобы не сказать насмешливым тоном:

– Ты, конечно, в восторге от новейших гениев?

– Еще бы! Они открыли новые пути. Они описывают те ощущения и ту правду, до которой не осмеливались дойти ваши старые корифеи, те только показывали частицу правды, а не всю... А у наших писателей и смелость и сила. Они ни перед чем не испугаются.

– Действительно они ничего не боятся и показывают себя во всем самодовольном блеске невежества, – презрительно перебил старик. – Вместе с твоими любимцами ты, верно,

беззаботен относительно старой литературы?.. Идей в искусстве не нужно? Одни настроения? Разумеется, и модная певичка для вас предмет поклонения?

– Отчего ж, если талант.

– Вот от таких-то талантов во всех видах вы и приходите в телячий восторг. Они для вас и учителя жизни. От каждого невежественного и необразованного гения, незнакомо-го даже ни с каким учебником истории, вы ждете ответа на те жгучие вопросы, над которыми работали гениальные люди во все века... Впрочем, что же мудреного? Ведь всегда найдутся десять болванов, которые произведут одиннадцатого в гении... Да, у вас позорное понижение литературного вкуса. Толстой для вас уже устарел. Вы даже не понимаете всей силы гениального писателя. Ну, скажи по правде, ты читал Шекспира? Читал Гоголя? Слышал о Добролюбове и Чернышевском? Читал ли когда-нибудь о том, как устроилась жизнь людская и почему она для большинства невозможна? Заговорила ли когда-нибудь в тебе потребность искания правды? Возмущала ли тебя несправедливость? Нет! Я видел только трезвенное отношение... трусливость животного, боящегося за свою шкуру, – трусливость, которую вы прикрываете рассуждениями, основанными, разумеется, на настроениях и якобы на науке... И еще мало унижает тебя твой патрон. С вами все можно! – раздраженно воскликнул Долинин. – Конечно, он другим, по-твоему, быть не может, такой темперамент и такова неумолимая сила инстинктов

домашнего прирученного животного. Подобные объяснения вдобавок крайне удобны и могут все объяснить... Даже предательство Иуды...

– Отец, ты опять ругаешься... Верно, печень? Или ты получил какое-нибудь интересное письмо? – ядовито прибавил Николай. – Лучше не будем говорить.

– Ты прав. Не будем.

И старик почувствовал, что сын – почти чужой ему. Прежней беззаветной любви, которая была у отца раньше, когда Коля был мальчиком, теперь не было. Между ними была какая-то пропасть, и она не могла заполниться привязанностью отца.

Николай, казалось, не оскорбился и начал рассказывать о своих работах, о знакомых, о музыке, но о литературе как будто боялся говорить, чтобы не раздражать отца. Обходил и другие вопросы, на которых они могли разойтись.

Виноватый и болезненный вид старика, казалось, тронул сына. Он видимо жалел, хотя внутренне и слегка презирал его.

VI

А чуткий старик еще более раздражался и тоже, как и сын, старался сдерживаться.

Но все-таки не мог не искривить своих губ, когда спросил:

– Ну, а что подельывает твой двоюродный братец и друг Вася?

– Он в Италии.

– Болен?

– Нет, здоров.

– Поехал туда как художник? Работать?

– Нет, не работает.

– Что же он там делает?

– Нюхает розы и лилии... Смотрит на море. Любуется облаками.

– В том и все его занятие?

– Вася любит природу.

– А люди его не интересуют?

– Разве он виноват, что интересуется его одно, а не другое.

– И болван! – внезапно закипая гневом, воскликнул Долинин. И, окидывая сына презрительным холодным взглядом, прибавил:

– Конечно, и ты одобряешь занятия двоюродного братца?

– Я не одобряю и не порицаю.

– Безразличие? Да разве ты не отличаешь черного от бе-

лого?

– Кажется, умею, как и ты. Но мы можем иметь разные фокусы зрения.

– А когда бьют человека? У тебя тоже разные фокусы зрения?

– Все зависит от нашего настроения и обстоятельств.

– Конечно, ты будешь, Николай, счастливее. А если еще со временем поглупеешь, то окончательно будешь счастлив, как Иванушка-дурачок... Сказка справедлива... Особенно по нынешним временам... Ум не в авантаже, если вдобавок при нем есть совесть. Впрочем, это слово упразднено. Только настроения и физиология. Молодцы вы стали! Главное, ума у вас мало. Впрочем, «это от бога».

– Значит, ты и неудачник оттого, что слишком умен? – спросил, раздражаясь, Николай.

– А ты как думаешь?

– Думаю, что каждый человек пожинает то, что посеял. Иначе говоря, поступки являются результатом темперамента и натуры.

– Шопенгауэра начитался? А принципов и внешних обстоятельств не признаешь?

– Кажется, ум и заключается в том, чтобы человек мог бороться с обстоятельствами именно в то время, когда эта борьба возможна. Если не умеешь плавать и бросишься в воду, неминуемо погибнешь. Кажется, это ясно, как дважды-два – четыре... А ты хочешь от нас...

– От кого от вас? – нетерпеливо и озлобленно перебил Долинин.

– Хотя бы от меня, – ответил Николай. – И, прости, отец, меня удивляет твое высокомерие. Теперь точно в моде говорить о молодежи с презрением.

– Неправда! Не о всякой молодежи. Есть славная молодежь. Она доказала и на голоде и на холере. Я говорю о новейших настроениях у некоторой части молодежи и особенно у молодых «сверхчеловеков».

Николай не слушал отца и, оскорбленный, продолжал:

– Мы, мол, в героев, а вы пошляки. Право, отец, это неубедительно и даже старо. Положим, что мы в герои не лезем, не принимаем на веру никаких красивых фраз... Мы поняли, что они ни к черту... Мы верим только науке и настроениям своей души. Жизнь – равнодействующая всевозможных естественных сочетаний во времени и пространстве. Все должно иметь причины. Я чувствую в своей душе своего бога, и мое мировоззрение не похоже на твое.

– Ну, еще бы!

– Ты, конечно, уверен, что вы нашли истину. А мы знаем, что только ее ищем. И если наши искания тебе не нравятся, то почему ваши должны нравиться нам?.. И почему они лучше? А главное, чего вы достигли? Ни людям, ни себе. А меньше заботиться о себе, в то же время заботясь о других? Скажи, на каком основании со своей истиной ты так озлоблен и один? Даже тот, которого ты считаешь единственным

другом, как кажется, только пишет ласковые письма.

Старика передернуло, особенно от напоминания сына об «единственном друге». Скулы на его лице задержались, глаза блеснули злым блеском, и он сдавленным голосом, полным злости, проговорил:

– Я вижу, что в твоей переоценке я заслуживаю приговора.

– Мы не приговариваем, отец. Мы только констатируем. Приговариваете вы, и как жестоко. Мы живем, как велит жизнь. Кто силен, здоров и умеет бороться, тот и достигает намеченной цели. Довольно нам возвышенных стремлений, когда нужно жить! Мы – не ангелы, но стремимся к боже-ству, живущему в нас, как и во всяком существе и растении. И что же ты сделал, чтобы мы были иными? – спросил Николай.

Старик призадумался.

«В самом деле, что же я сделал?» – подумал отец.

А между тем сын продолжал:

– Ты правды не любишь. Любишь говорить свою правду только другим, а мы или восторгаемся вами, или не смей говорить то, что думаешь. Всю жизнь говорите о свободе мнений, а только что откроешь рот – дурак. И ведь многих уверили, что соль земли – вы, оттого только, что прогулялись в отдаленные места или бросили профессию по независящим обстоятельствам. Вы думаете, что решаете социальную проблему, хвалитесь тем, что можете питаться медом и акрида-

ми, и в то же время в душе мечтаете о богатстве, о прелестях роскошной жизни, о женщинах... ты...

– Ну что ж, ты, слава богу, умник – говори. Правды не побоюсь. Даже прошу, – остановил сына отец.

– К чему же? Тебя не убедишь.

– Попробуй. Очень рад буду наконец понять, что ты хочешь от жизни, и, главное, узнать, чем мы виноваты перед вами? Разве только тем, что мы не готовили вас к разумной жизни. Ты прав. Виноваты мы. Мы думали, что вы поймете наше несчастное поколение, при котором все-таки было освобождение крестьян. Начало сделано. Вам теперь докончить его, чтобы крестьяне были действительно освобождены. А вы разве о народе думаете? Вы думаете только о собственном благополучии. Мы хоть надеялись... сомневались. А вы? Даже нет ни надежд, ни сомнений... Лучше видоизмененный вид современного, влюбленного в себя животного... Только непонятное лепетание об изгибах души, о праве свободы впечатлений и совершенное отрицание нравственного закона. Никакой задержки нет... Ну, приговаривай меня! Что ж ты молчишь? Говори же! – вдруг бешено крикнул старик.

– Ты, конечно, сам знаешь, отчего ты одинок и отчего в последнее время особенно волнуешься и злишься, и негодуешь, что семья тебе мешает, к чему же мне говорить.

– Говори! – бешено крикнул отец.

– Изволь, только прошу постараться не браниться.

– Постараюсь, – иронически ответил отец, – кстати и закурю сигару. По крайней мере подсудимому будет легче перенести судебный приговор.

VII

Молодой человек прихлебнул кофе, закурил сигару и начал:

– Ты сам заставил меня не быть идеалистом. И слава богу, по крайней мере не гоняюсь за призраками. Я признаю то, что чувствую, и из внешнего мира то, что отражается в моей душе... А ты живешь не в действительности, а в мечтах, ласкающих только твое гигантское самолюбие. Скажи по правде, разве ты мною много интересовался? Хотел проникнуть в мою душу? Понял ее искания? Ты баловал, ласкал меня, заботился, чтобы мне было материально хорошо, и все-таки я был любимым, но совсем чужой для тебя мальчик... Да ты, вероятно, и думал: «Ребенок, что он может понимать и чувствовать». А я все более и более замыкался в себе и был брошенным, и понимал и думал про себя. Подавал ли ты сам пример того, о чем ты так горячо говорил?.. Особенно дамам, да еще красивым и которые тебя слушали, с тобою кокетничали, и ты за ними ухаживал, забывая, что вторая молодость смешна, как запоздалая страсть, и ставит тебя в глупое положение, – ядовито прибавил Николай.

– Ну, дальше, – сказал отец, когда сын примолк, прищурил свои красивые глаза и наморщил лоб, словно бы обдумывая свою дальнейшую речь.

– Так я продолжаю. Ты любишь говорить о нравственном

законе и смеешься над правом человека отдаваться своим настроениям и впечатлениям. А у тебя какой же этот нравственный закон, или так называемая совесть?

Отец невольно опустил голову.

VIII

А сын, словно бы не замечая страдальческого и озлобленного лица отца, сознающего правоту обвинения, говорил:

– Тебя в семье сперва любили, потом тебя боялись. Ты всегда бывал раздражен. Не могли же дети знать о твоих всяких, – подчеркнул сын, – неудачах, но ведь ты свои личные раздражения переносил на близких. А ведь ты думаешь, что ты любишь близких, что ты добр. Положим, твой характер и темперамент от тебя не зависят, но детям-то какое дело, что у тебя такой характер и такой темперамент? От этого сознания нам было не легче. Эти резкие переходы от грубости к ласке заставляли нас сторониться, и я рано уже понял, что слова – одно, а жизнь другое. В гимназии, разумеется, я еще яснее видел разницу между тем, что говорили некоторые учителя и что делали... Мало-помалу во мне явилось то равнодушие к великим старикам, о которых ты любишь говорить, и к тебе. Везде говорили и хвалили исполнение долга, самоотвержение, любовь к ближнему, верность слову. Короче, все то, на что ловится каждое молодое сердце... А между тем ты сам был такой?

– Нет, – глухо ответил отец. – И за это наказан, – прибавил он.

– Кто наказывает? И совсем не за то. Ты не лучше, не хуже других людей своего поколения. Твой «нравственный закон»

не мог удержать тебя от впечатлений. Ты такой же человек. Я не судья твой, повторяю, я хочу только выяснить, что ты не прав относительно меня.

– Спасибо, спасибо. Продолжай... Я научусь уму-разуму.

– Не иронизируй, отец. Ты требовал мнения, так слушай...

– Слушаю...

И молодой человек еще более докторальным тоном продолжал:

– Ты не стоишь на той точке зрения, на какой стою я.

– Это та, что мы – улучшенный вид животного?

– Наша и его цель одна – жить. И каждый приспособляется к жизни так, как для него удобнее и лучше. Подумай, разве не то же самое проделывают люди? И ты, воображающий себя на каких-то высях, в то же время, не сердись, поступал, как самое обыкновенное животное, с низменными, как вы же говорите, инстинктами. А они, заметь, не могут быть ни высокими, ни низменными, а просто – естественными. Побороть их, конечно, случается, но ты делал это только на словах. Ты был хороший муж? Разве ты не мучил женщину, которая тебя любила, когда увлекался другими? Снова говорю, что, с моей точки зрения, твои увлечения естественны, но зачем же говорить о какой-то безнравственности, когда жена оставляет мужа и сходится с другим.

– Не о том говорят! – бешено крикнул Долинин. – Не в том дело, что жена разлюбила мужа. Любовь свободна, без-

нравственна ложь.

– Что такое нравственность, это еще вопрос. Муж и жена такие же животные, так что ж ты требуешь от них того, чего не исполняешь сам. Или исполнял? Ответь.

– Не исполнял, но я по крайней мере не лгал и одновременно никогда не был мужем двух женщин, – прибавил Долинин, словно бы стараясь оправдаться перед сыном.

И странное дело: чем более Долинин считал себя словно бы виноватым перед сыном, тем более молодой судья начал смягчаться и сам в душе старался оправдать отца, с своей точки зрения, и относиться к нему уже не с прежнею строгостью.

Долинин, напротив, злился на сына еще более за то, что Николай снисходит к отцу и в то же время говорит ему, и так безжалостно, очень тяжелые для него вещи. Особенно намекает на его дружбу, которая возмущала семью.

И для отца словно бы являлось откровением, что сын проповедует уверенно и спокойно то, что отец считает возмутительным.

«Невменяем он, что ли?» – подумал старик. И лицо его стало мрачным.

– Так ты думаешь, что в любви один только чувственный пыл? – воскликнул отец.

– Почти что так. Да и ты, кажется, отец, любил женщин не только ради их прекрасных душ?

– Врешь! И о душе думал. Ты, верно, еще не любил?

– Конечно, любил. По крайней мере, когда я целую женщину, я не говорю ей о социальных проблемах, как делаете вы. Хотите тела и, чтобы добиться его, соблазните женщину исправлением мира. Это что же, по вашему старому стилю лучше, чем по новому?

– А вы в это время смакуете тонину любовного настроения? И после разойдетесь, как две собаки?

– По крайней мере без обмана.

– Да. Ты прав! Вы без обмана, – презрительно усмехнулся старик.

И внезапно бешено крикнул:

– Нам больше разговаривать нечего. Иди, иди, оставь меня одного!

Сын пожал плечами и вышел.

Старик снова заходил по кабинету.

Безотрадные мысли проходили в его голове. Он вспомнил всю свою прошлую жизнь. И чем более вспоминал, тем тяжелее становилось на его душе. Он чувствовал себя бесконечно виноватым перед сыном и навсегда одиноким.

– Оба мы хороши! – с тоской прошептал старик.

IX

Через два дня отец с сыном расстались холодно. Оба были как будто довольны, что расстаются.

1903